

DOI 10.15826/qr.2016.4.195

УДК 81'373+81'38+81'42

ФЕНОМЕН АКТУАЛЬНОГО СЛОВА 2015 ГОДА*

Арто Мустайоки

Хельсинкский университет,
Хельсинки, Финляндия

Харри Вальтер

Университет имени Эрнста Морица Арндта,
Грайфсвальд, Германия

Ирина Вепрева

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

WORD OF THE YEAR 2015**

A. Mustajoki

University of Helsinki,
Helsinki, Finland

Harry Walter

Ernst Moritz Arndt University,
Greifswald, Germany

Irina Vepreva

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

The article analyses the Russian project “Word of the Year 2015” as compared to similar Finnish and German projects. The main parameters of the most important words in literature are compared with the characteristics of the words included in the rating list of the year. The authors demonstrate that words of the year correlate with the parameters of the most popular words, but are

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант 15-04-00239, и программы 211 Правительства Российской Федерации, соглашение № 02.А03.21.0006. Das publizistische Arsenal gesellschaftlicher Bewegungen in Russland und Deutschland. Verbale Mittel zur Konfliktlösung und zur Erreichung von Toleranz (DFG WA 1689/5-1).

** Citation: Mustajoki, A., Walter, H., Vepreva, I. (2016). Word of the Year 2015. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. № 4, p. 121–133. DOI 10.15826/qr.2016.4.195.

Цитирование: Mustajoki A., Walter H., Vepreva I. Word of the Year 2015 // *Quaestio Rossica*. Vol. 4. 2016. № 4. P. 121–133. DOI 10.15826/qr.2016.4.195 / Мустайоки А., Вальтер Х., Вепрева И. Феномен актуального слова 2015 года // *Quaestio Rossica*. Т. 4. 2016. № 4. С. 121–133. DOI 10.15826/qr.2016.4.195.

not identical. The research defines the principles behind the formation of the Russian word list. The selection is based on expert evaluation of the frequent units of this year: this makes the resulting word list a diverse phenomenon. First, a number of lexical units of the year are united in open thematic groups which reflect those that were semantically dominant in the course of the year. Units naming the most significant events of the year also enter the list. Words of the year are a kind of trademark identity for the year, systematically reflected in vivid and recognizable units of nomination. Such markers are mainly neologisms and set expressions that have appeared as part of real situations. A special group is made up of common lexical units which get foregrounded and as a result acquire semantic increments owing to the frequency of their use and expansion of their lexical compatibility. There are two thematic groups on the 2015 list that describe the semantic dominants of the year: 1) “the foreboding of war” and 2) “the limits of the acceptable and the unacceptable”.

Keywords: most important words; lexicology; semantic dominant; frequency; neologism; semantic increment.

Анализируется российский проект «Слово года – 2015» на фоне общей характеристики финских и немецких списков года. Выявленные в литературе основные параметры актуального слова сопоставляются с характеристиками слов, входящих в рейтинговый список года. Показано, что по своим характеристикам слова года коррелируют с параметрами актуального слова, но не тождественны им. В ходе исследования определены принципы формирования словника российского проекта. В основе отбора лежит экспертная оценка частотных единиц текущего года, в результате которой полученный словник определяется как разноплановый феномен. Прежде всего ряд актуальных единиц года объединяется в тематические ряды открытого типа, отражающие смысловые доминанты года. Список дополняют единицы, номинирующие знаковые для года события. Слова года – это своеобразная брендовая идентичность года, системно выраженная в ярких и узнаваемых номинативных единицах. К ярким языковым маркерам относятся в первую очередь неологизмы и устойчивые сочетания, которые «родились» в контексте реальной ситуации. Особую группу составляют актуализированные узусальные единицы, которые в силу частотности употребления и расширения лексической сочетаемости приобретают семантические приращения. В списке слов 2015 года выделены два тематических ряда, которые моделируют смысловые доминанты года: 1) «предчувствие войны»; 2) «границы допустимого и недопустимого».

Ключевые слова: актуальная лексика; лексикология; смысловая доминанта; частотность; неологизм; семантические приращения.

В лингвистике проблема активного пополнения «словаря времени» – одна из самых обсуждаемых [Земская; Иссерс, 2014; Костомаров; Толковый словарь русского языка начала XXI века; Стернин; Харламова; Черникова; Шапошников; Шмелева, 2009; Von „aufmüpfig“ bis „Teu-

ro“; Wörter, die Geschichte machen; Niehr; Schiewe]. Слово, соотносимое со своим временем, становящееся особенно важным благодаря своей семантике, получило в литературе статус актуального слова, «ключевого слова текущего момента» [Шмелева, 1993], «слова-хронофакта» [Фомина]. Слова, которые находятся «в фокусе социального внимания», Е. А. Земская назвала «ключевыми словами эпохи» [Земская, с. 138]. В основе актуальности слова лежат причины внеязыковые. Актуализация слова – следствие активизации в социальном сознании реалий объективной действительности. С точки зрения этого существенного признака актуальные слова являются своеобразной хроникой общества, сигналами социального времени, источником информации о его политической, экономической и культурной жизни.

Исследовательский интерес к актуальному слову позволил сформулировать его основные параметры. Следом за Т. В. Шмелевой в качестве определяющих признаков актуального слова назовем следующие: 1) резкое возрастание частотности употребления; 2) появление актуальных слов в качестве заголовков газетного текста и хэштегов; 3) реализация грамматического и словообразовательного потенциала; 4) расширение сочетаемости; 5) формирование новых синонимических и антонимических связей; 6) онимическое употребление; 7) языковая рефлексия по поводу актуального слова (в том числе его дефиниция); 8) языковая игра с актуальным словом [Шмелева, 1993, с. 33–39].

Статус актуального слова, хронологически маркирующего время, соотносим с понятием «слово года», которым в разных странах отмечают слова, оказавшиеся в центре общественного внимания в течение текущего года. По инициативе Михаила Эпштейна в России с 2007 г. экспертным советом при Центре творческого развития русского языка составляются годовые вербальные портреты русского языка по модели словесных рейтингов в США, Европе и Азии. Специалисты и любители русского языка с энтузиазмом подключились к такой программе, оценивая языковые доминанты годового цикла.

При первом взгляде на полученные ежегодные списки актуальных слов (таких в российском проекте уже девять) видна, с одной стороны, социокультурная детерминированность представленных единиц, с другой, субъективность процедуры их отбора. Последняя требует углубленного исследования актуальных слов, входящих в эти списки. Задача предпринятого исследования – с опорой на материалы корпусного ресурса (в данном случае 3 488 источников центральных и региональных СМИ, входящих в базу Integrum.ru) выявить специфические особенности актуальных слов, осмысляющих текущий год, и тем самым охарактеризовать феномен проекта «Слово года». В качестве материала исследования в первую очередь анализируются слова 2015 г. Для выявления типологических черт слова года привлекаются материалы немецкого и финского списка актуальных слов, а также российские списки предыдущих лет. В российский список 2015 г. вошли следующие единицы: 1) *беженцы*; 2) *санкции, антисанк-*

ции, санкционка; 3) война; 4) Карл (обращение-мем); 5) терроризм; 6–7) дальнбойщики; 6–7) стартап; 8) запрещенка (запрещенная еда); 9) гибридный; 10) селфи; 11–12) Левиафан; 11–12) милитаризм.

Проблема выбора актуальной номинации года

Принципы отбора актуальных слов текущего года в разных странах различны. Так, к примеру, Центр отечественных языков Финляндии постоянно собирает новые слова и обновляет на этой основе электронные словари. Естественно, в словари попадают только неологизмы, которые являются не случайными выдумками отдельных носителей языка, а словами, вошедшими в устную и письменную речь разных авторов. Центр ежегодно публикует списки новых слов. Такой набор за 2015 г. состоит из 75 слов [Kotimaisten kielten keskuksen]. Большая часть единиц – сложные, образованные на основе узуальных финских слов субстантивные новообразования, которые номинируют не только новые политико-административные понятия, но и понятия других сфер жизни. Половина слов представляет официальную лексику, но есть неофициальные словечки, придуманные редакторами и журналистами, поэтому дальнейшую их закрепленность в языке трудно прогнозировать. Россия вслед за Германией выделяет в качестве слов года не только неологизмы, но и узуальные единицы, актуализированные в текущем социальном контексте. В проекте выделяются рубрики «Слово года», «Выражения и фразы года», «Антислово года» (рубрика включает критически оцениваемые единицы, объективно нарушающие уместность употребления). Российский проект также включает рубрику «Авторские неологизмы», а немецкий – «Молодежное слово года».

При обращении к российской словописи года выявляется складывающаяся закономерность: актуальные слова, проявляясь в их адекватности конкретным социальным обстоятельствам, объединяются в четкие лексико-семантические группировки, с опорой на которые можно выделить тематическую доминанту года. Лейтмотив года обычно сфокусирован в границах политического сознания, за границами списка часто остаются важные события из областей науки, техники, общественной жизни.

Анализ списка слов 2015 г. позволяет выделить две доминирующие смысловые группы, вокруг которых группируются актуальные единицы: первое лексико-семантическое объединение с темой «Предчувствие войны» – лексемы *война*, *беженцы*, *терроризм*, *гибридная* (война), *милитаризм*; второе – с темой «Границы допустимого и недопустимого» – лексемы *санкции*, *антисанкции*, *санкционка*, *запрещенка* (запрещенная еда). Абстрактные имена, с помощью которых сформулированы тематические доминанты года, «являются достаточно пустыми контейнерами» [Чернейко, с. 121],

их информационная недостаточность задает необходимость заполнения семантического ряда, которая определяет отбор актуальных слов внутри тематической группы. Доминирующую политическую и морально-нравственную тематику дополняют языковые единицы культурного (*селфи, Карл*) и экономического (*стартап*) плана, отражающие типичные для 2015 г. явления, но носящие периферийный характер.

Кроме слов, передающих общую референтную ситуацию года, в список включаются лексемы, отражающие эффект «событийного шока»: они номинируют события года, которые носитель языка, находясь внутри текущего года, осознает как знаковые. Так, в списке года к единицам этого ряда можно отнести лексемы *дальнобойщики, Левиафан*. Чаще всего подобные единицы относят к словам-однодневкам (точнее, словам-«одногодкам»), поскольку впоследствии трудно вспомнить, какие события скрываются за ними. Судьбу таких единиц невозможно прогнозировать ввиду того, что на употребление слова влияет степень значимости в будущем самого явления или предмета (референции), для обозначения которого это слово существует.

Слово года – это своеобразная брендовая идентичность года, системно выраженная в ярких и узнаваемых номинативных единицах. Всегда существует коммуникативная востребованность формы выражения имени ситуации, возникающей в реальной действительности. Яркость номинации – та объективная случайность, которая обусловлена номинативным вакуумом ненареченной жизненной ситуации. В этом случае выросший из языковой среды неологизм является наиболее ярким представителем класса актуальных слов [Мустайоки, Вепрева, с. 447–448]. Иногда нишу номинативной единицы заполняет устойчивое словосочетание, которое, наряду с лексемой, способно номинировать событие, особенно если это словосочетание родилось в ходе осмысления произошедшего события. Поэтому список слов года поддерживает и расширяет список выражений года. Выделенные группы лексем 2015 г. дополняют выражения: первую смысловую доминанту – *Минские договоренности, атмосфера ненависти, гибридная война, ИГИЛ* (запрещенная в России организация); вторую – *Шарли Эбдо, Я Шарли*; знаковые события – *Немцов мост, Бессмертный полк*. Актуальной номинацией может стать «старая» узуальная единица. Но в силу признаков актуального слова эта единица всегда имеет определенные смысловые приращения за счет актуализации ряда дифференциальных признаков при расширении лексической сочетаемости и возросшей частотности.

Неологизмы года

Если мы обратимся к актуальным лексемам из списка 2015 г., то увидим, что «урожай» входящих в него неологизмов не слишком

велик. Удачным в плане свежих номинаций был 2014 г. Его список возглавила новая окказиональная единица *Крымнаш*, интерес к анализу которой обусловлен, помимо полной реализации всех параметров актуального слова, уникальностью номинализации синтаксической структуры с пропозитивной семантикой, позволяющей осуществить полноценную смысловую свертку ситуации [Вепрева; Иссерс, 2015; Цонева]. Лидирование «украинской» темы года, плотность событий в политической сфере объясняют парадоксальную субъективность отбора слов. В словник 2014 г. не вошла лексема *Олимпиада*, хотя значимость события не вызывает сомнений и актуальность единицы прослеживается по всем указанным выше характеристикам.

К неологизмам 2015 г. можно отнести универбы *санкционка* и *запрещенка*. Выбор этих единиц, безусловно, определяется свежестью новообразований, разговорная окраска которых создает эмоционально-экспрессивную тональность, снижает официальность словосочетаний прилагательного с существительным: санкционные меры → *санкционка*, запрещенная еда → *запрещенка* [Русская грамматика, т. 1, с. 171]. Стилистическая маркированность и новизна единиц способствуют отбору не только этих единиц в список года, но и слов *санкции*, *антисанкции*, хотя пик частотности в 2015 г. внутри этого класса единиц принадлежит лексеме *импортозамещение*, которая не вошла в данный список. Проиллюстрируем соотношение единиц *санкции*, *антисанкции* и *импортозамещение* по степени употребительности (рис. 1).

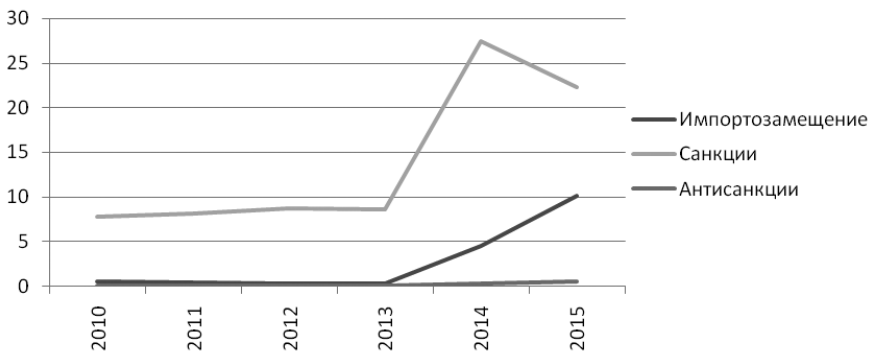

Рис. 1. Число публикаций по запросу относительно общего числа публикаций, % (Интегрум)

Обоснуем безусловную уместность включения лексемы *импортозамещение* в список слов года. Во-первых, отметим неуклонный рост частотности лексемы *импортозамещение* (в 2014 г. она увеличилась в 13 раз по сравнению с 2013 г., в 2015 г. – в два раза

по сравнению с 2014 г.). Во-вторых, актуальность подтверждается текстогенностью слова, его регулярным использованием в газетных заголовках. Импортозамещение мыслится как стратегически важный для России процесс, неотложность которого вызвана антироссийскими экономическими санкциями. Вырабатывается формула: **импортозамещение** *позволит/обеспечит* (что именно): *государственную независимость; национальную безопасность, оживление экономики; конкурентное преимущество отечественных товаров*. В-третьих, есть основания говорить о формировании куста сложных слов с первой частью *импорт-*, см.: *импортозаместить/импортозамещать, импортозамещаться, импортозаместитель, импортозаместительный, импортозаместительно, импортозависимость, импортнезависимость, импортовытеснение* и др. В-четвертых, ощущение актуальности слова поддерживают метаязыковые указатели: *модное сейчас слово, новомодное слово, актуальное сегодня слово*, иногда в ироническом ключе: *великое слово, патриотичный термин*.

Приведенные аргументы подтверждают высокую степень субъективности выбора актуальных единиц года. Относительный характер носит также выбор единиц по степени абстрактности/конкретности семантики. Так, родовое слово *запрещенка* (запрещенная еда), несущее концептуальную информацию, вполне может быть конкретизировано актуальными видовыми лексемами. К примеру, в ряду запрещенных продуктов на статус актуального слова претендуют лексемы, которые вместе с возросшей частотностью (например, частотность лексемы *хамон* в анализируемый период возросла в 4,4 раза, лексемы *пармезан* – в 3 раза) начинают активно вовлекаться в языковую игру: в 2015 г. фиксируются окказионализмы *сыроцид, хамондировка, пармезанская война, пармезаницина*.

Частотность слова

Ярким формальным показателем актуального слова, проверяемым с помощью корпусных материалов, является повышение частотности употребления слова по сравнению с предшествующим периодом. Проверка данного параметра показала, что частотность слова не всегда определяет вербальный маркер года. Иногда выбор слова отстает от пика его частотности. Так, например, пик частотности лексемы *стартап* приходился на 2011–2014 гг. Ср. процентное увеличение словоупотреблений по годам: 2011 г. – на 94,6 %; 2012 г. – на 20 %; 2013 г. – на 71 %; 2014 г. – на 6,9 %; в 2015 г. наблюдался спад частотности слова по сравнению с предыдущим годом на 9 %.

В этом отношении интересен феномен лексемы *война* (рис. 2).

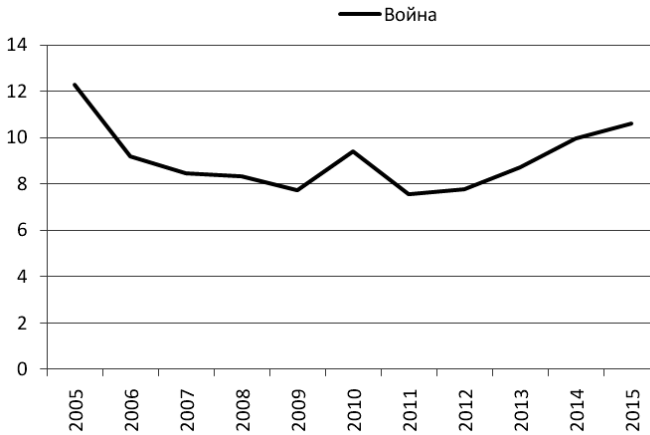

Рис. 2. Число публикаций по запросу относительно общего числа публикаций, % (Интегрум)

Языковое предчувствие войны передается набором лексем, в ряду которых есть прямая номинация *война*. Слово не является репрезентативным по показателям частотности в 2015 г. Война – один из постоянных страхов массового сознания в России. На протяжении последних десяти лет частотность слова колеблется от 12,70 % (от общего числа употреблений) в 2005 г. до 10,61 % в 2015 г. Если частотность явилась неприоритетным параметром для слова года, то анализ лексической сочетаемости позволяет выявить семантические приращения, которые моделируют смысловую доминанту года. Смысловое наполнение слова *война* как глобального символа современности подчас весьма существенно различается.

Проследим динамику смысла лексемы *война* с опорой на корпусный материал. Это слово часто используется по отношению к прошлому. Пики частотности словоупотребления приходятся на юбилейные для Великой Отечественной войны годы – 2005-й, 2010-й, 2015-й. В 2015 г. при общем количестве словоупотреблений лексемы *война* (246 665) на долю Великой Отечественной войны приходится свыше 66 % контекстов при учете следующей сочетаемости: *Великая Отечественная война* – 99 866 контекстов; *ВОВ* – 10 929; *Вторая мировая война* – 15 180; *война против СССР* – 308; *война против Советского Союза* – 113; *война с Германией* – 365; *война с немцами* – 71; *война с фашизмом* – 221; *война с фашистами* – 153; *ветераны войны* – 16 455. Употребляется слово также в связи с другими прошлыми войнами – с Первой мировой, финской, афганской, чеченской, войной на Кавказе и др.

Анализ сочетаемости лексемы *война* в 2015 г. позволил выявить новые актуализированные смыслы слова. Прежде всего реализуется идея идущей войны, которая спровоцирована событиями на Украине

(война на Украине – 1 936 употреблений, война с Украиной – 240). Война на Украине квалифицируется часто как война гражданская, братоубийственная. Конфликт между Украиной и Россией мыслится также в рамках войны гражданской, войны против России (*гражданская война* – 12 744, *война против России* – 597). Увеличивается частотность предложно-падежной формы *против России* (11 586 контекстов): *борьба, санкции, кампания, заговор, воевать, действовать, развернуть Украину против России; против России идет война* – информационная, экономическая, моральная. Далее актуализируется идея гражданской войны в самой России. И наконец, как следствие определенных политических событий и процессов мыслится мировая термоядерная война в неопределенном времени – и в будущем, и в ближайшем настоящем (*будет война* – 3 836, *ядерная война* – 1 624, *третья мировая война* – 315, *апокалипсис* – 7 346, *ядерный апокалипсис* – 47). Кроме того, в конце года усилился актуальный смысл войны в настоящем, связанный с войной в Сирии (*сирийская война* – 235; *война в Сирии* – 1 861), что породило номинацию *гибридная война* (787).

Совокупность внеязыковых факторов позволяет выделить в лексеме *война* смысл войны как реальной возможности, образ неопределенной будущей широкомасштабной войны на фоне реальных войн на Украине и в Сирии. Типичны тревожные контексты, передающие атмосферу 2015 г.: *Мы находимся на пороге третьей мировой войны и не отдаем себе в этом отчета; сплошной негатив: Россия окружена врагами, санкции, мир на пороге третьей мировой войны*. Озвучиваются прогнозы и причины начала войны: *война начнется уже в 2018–2019 гг. из-за того, что везде исчерпан лимит догосудариваемости; война начнется, когда доллар будет 300 рублей; если не прекратит накачивание населения ненавистью, то гражданская война начнется повсеместно, перекинувшись с Донбасса на все регионы*. В период смуты усиливается доля пророчеств: *Сорос предрек третью мировую войну; пророчества американского пастора Филиппа Барнета: война начнется с Украины. Россия оккупирует часть Украины, после чего образуется подобие СССР. В него войдут Россия, Белоруссия и Восточная Украина. Дальше — больше. Россия нападет на Израиль, в результате чего начнется третья мировая война*.

Предчувствие войны начинает трансформироваться в актуальное настоящее: (1) *Третья мировая война – это не мрачный прогноз и не страшилка для обывателя. Третья мировая уже идет. Среди ее жертв – наши соотечественники, возвращавшиеся с отдыха в Египте домой. Третья мировая началась?* [Третья мировая началась?]. (2) *Война уже идет. Боевые действия в Ираке, Афганистане, Сирии, на Украине – это лишь часть всего процесса. Наркотики, терроризм – это проявление войны мирового масштаба. И мы находимся в центре событий, как и многие другие страны. Возможно, военные действия будут происходить внутри нашей страны, как это происходит на Украине* [Третья мировая возможна?].

Слово-лидер 2015 г.

Первое место в рейтинге года занимает слово *беженцы*, хотя оно не соответствует многим параметрам актуального слова. Своего пика частотности лексема достигла в 2014 г., в 2015 г. показатель уменьшился почти на 40 %. Единица не получает в русской речи рефлексивной отмеченности и отражает скорее актуальность мировой, а не российской действительности. *Беженцы (Flüchtlinge)* – главное слово списка года в Германии, о чем сообщило Общество немецкого языка в Висбадене в начале января 2016 г. С августа по декабрь 2015 г. ситуация с беженцами была и остается ведущей темой немецких теле- и радионовостей. Лексема выбиралась из числа 2 500 слов политического, экономического и социального обихода, наиболее часто употреблявшихся в прошедшем году.

Если в русском языке слово *беженец* в принципе нейтрально, то в немецкой речевой среде оно «прирастает» дополнительными коннотациями, маркирующими отношение немцев к «годовой» реалии. Немецкому *Flüchtling* пассивный суффикс *-ling* придаёт несколько негативную окраску: для «чувствительных к языковым особенностям ушей» оно может звучать пренебрежительно. Правда, шкала негативной окрашенности этого суффикса различна: в таких словах, как *Eindringling* (нарушитель), *Winzling* (карлик, крошка) или *Schreiberling* (писака) присутствует лишь тенденция к негативности, в то время как в словах *Eindringling* (оккупант) или *Schreiberling* (журналиста) уже прослеживается явная негативная коннотация. Аналогичные образования слов с суффиксом *-ling* могут быть и стилистически нейтральными, обозначая пассивного адресата действия, например, *Prüfling* (экзаменуемый, тот, кто сдает экзамен) или *Schützling* (опекаемый, подопечный). Ср. также и уменьшительные формы слов, образуемые этим суффиксом, например, *Sperling* (воробышек), *Frischling* (годовалый кабанчик) или *Setzling* (саженец).

В свете этих языковых данных возникает вопрос: не перегибают ли хранители «политкорректного» слова палку? Время покажет, однако даже самый престижный нормативный словарь *Duden* приводит слово *Flüchtling* (беженец) без стилистических помет, признавая тем самым его нейтральным. Это слово широко распространено в Германии в нейтральном значении, особенно в политической терминологии, например, в названии Женевской конвенции о статусе беженцев (*Genfer Flüchtlingskonvention* – GFK) или названии Всемирного дня беженцев (*Weltflüchtlingstag*) в наименовании Федерального ведомства по вопросам миграции и беженцев (*Bundesamt für Migration und Flüchtlinge* – BAMF), в названии Советов по делам беженцев (*Flüchtlingsräte*). Оберегая «чувствитель-

ные уши», тем не менее, многие политики и журналисты стремятся найти подходящие альтернативы, заменяя слово *Flüchtling* иными, кажущимися «смягчёнными», например, словом *Geflüchtete* (что можно перевести как «бежавшие»).

* * *

Соотнося «слова года» со сложившимися характеристиками *актуального слова*, мы отмечаем, что многие языковые единицы из рейтингового списка не отвечают полностью параметрам актуального слова. Номинативное портретирование времени в проекте «Слово года», безусловно, носит субъективный характер. С другой стороны, если в основу «слов года» положить не ручной (экспертный) метод отбора, а формальный (самый показательный критерий – частотность слова), то набор вербальных маркеров года может быть не столь репрезентативным для передачи состояния общественного сознания, как хотелось бы. Человеческий фактор, включенный в процедуру отбора «слов года», имеет преимущества: российский социально-лингвистический проект «Слово года», выделяя вербальные единицы, знаковые для годового цикла, моделирует смысловые доминанты года, демонстрируя особую чуткость к улавливанию общей референтной ситуации. Эффект смысловой доминанты года достигается объединением лексем, принадлежащих к актуальному для текущего момента тематическому ряду открытого типа и группируемых вокруг единиц, несущих концептуальную информацию, по принципу дополнения. Неологизмы, новые устойчивые словосочетания, актуализированные узуальные слова с семантическими приращениями, взаимодополняя друг друга, действительно передают смысловую идентичность годового цикла конкретного общества и конкретного языка.

Список литературы

- Венрева И. Т. Об актуальной лексеме Крымшаш // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры : материалы 13 конгр. МАПРЯЛ (Гранада, Испания, 13—20 сент. 2015 г.) : в 2 т. СПб., 2015. Т. 2. С. 31—35.
- Земская Е. А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / под ред. Е. А. Земской. М. : Языки рус. культуры, 1996. С. 90–141.
- Иссерс О. С. В поисках общего словаря: дискурсивные практики новейшего времени через призму проектов «Слово года» // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 48–53.
- Иссерс О. С. От серьезного – до смешного: игровой потенциал русского слова года // Политическая лингвистика. 2015. № 4. С. 25–31.
- Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи : Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. СПб. : Златоуст, 1999. 247 с.
- Мустайоки А., Венрева И. Т. Метаязыковой портрет модных слов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам ежег. междунар. конф. «Диалог» : в 2 т. Вып. 14. М. : Изд-во РГГУ, 2015. Т. 1. С. 438–448.
- Русская грамматика : в 2 т. М. : Наука, 1980. Т. 1. 789 с. Т. 2. 710 с.

- Стернин И. А. Основные изменения в русском языке конца XX – начала XXI века // Стернин И. А. Теоретические и прикладные проблемы языкознания : избр. работы. Воронеж : Истоки, 2008. С. 200–209. 592 с.
- Толковый словарь русского языка начала XXI века : Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Скляревской. М. : ЭКСМО, 2006. 1136 с.
- Третья мировая началась? // Оренбургская правда. 2015. 18 нояб.
- Третья мировая возможна? // Смоленские новости. 2015. 06 мая.
- Фомина З. Е. Слова-хронофакты в языке политических текстов // Язык и эмоции : сб. науч. тр. Волгоград : Перемена, 1995. С. 207–215.
- Харламова Т. В. Ключевые слова текущего момента *сильное государство, сильная власть* на рубеже веков // Проблемы речевой коммуникации. Вып. 8. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2008. С. 138–144.
- Цонева Л. Слово года «крымнаш» в русском медиадискурсе // *Studia Russico-Slovaca* : Universitas Catholica Rosenbergensis. Ružomberok : Verbum, 2015. P. 30–38.
- Чернейко Л. О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. М. : Изд-во МГУ, 1997. 320 с.
- Черникова Н. В. Актуальные концепты и их лексические репрезентанты // Филологические науки. 2007. № 6. С. 71–80.
- Шапошников В. Н. Русская речь 1990-х : Современная Россия в языковом отображении. М. : МАЛП, 1998. 243 с.
- Шмелева Т. В. Ключевые слова текущего момента // *Collegium*. 1993. № 1. С. 33–41.
- Шмелева Т. В. Кризис как ключевое слово текущего момента // Политическая лингвистика. 2009. Вып. 2 (28). С. 63–67.
- Von “aufmüpfig” bis “Teuro” : die “Wörter der Jahre” 1971–2002 / hrsg. von J. A. Bär. Mannheim : Dudenverlag, 2003. 345 p.
- Kotimaisten kielten keskuksen [site]. URL: http://www.kotus.fi/sanakirjat/kielitoimiston_sanakirja/uudet_sanat/vuoden_sanapoinninnot/sanapoinintoja_2015 (mode of access: 15.06.2016).
- Wörter, die Geschichte Machen : Schlüsselbegriffe des 20. Jahrhunderts / Herausgegeben von der Gesellschaft für deutsche Sprache ; hrsg. von S. Krome. München : Bertelsmann Lexikon Verlag, 2001. 224 p.
- Niehr T. Schlagwörter im politisch-kulturellen Kontext : Zum öffentlichen Diskurs in der BRD von 1966 bis 1974. Wiesbaden : Deutscher Universitäts-Verlag, 1993. 456 p.
- Schieve J. Die Macht der Sprache : Eine Geschichte der Sprachkritik von der Antike bis zur Gegenwart. München : Beck, 1998. 328 p.

References

- Bär, J. A. (Hrsg.). (2003). *Von “aufmüpfig” bis “Teuro” : die “Wörter der Jahre” 1971–2002*. 345 S. Mannheim, Dudenverlag.
- Cherneyko, L. O. (1997). *Lingvofilosofsky analiz abstraktnogo imeni* [Linguo-philosophical Analysis of the Abstract Name]. 320 p. Moscow, Izd-vo MGU.
- Chernikova, N. V. (2007). *Aktual'nye kontsepty i ikh leksicheskie reprezentanty* [Relevant Concepts and Their Lexical Representations]. In *Filologicheskie nauki*, 6, pp. 71–80.
- Fomina, Z. E. (1995). *Slova-khronofakty v yazyke politicheskikh tekstov* [Chrono-factual Words in the Language of Political Texts]. In *Yazyk i emotsii : sbornik nauchnykh trudov* (pp. 207–215). Volgograd, Peremena.
- Issers, O. S. (2014). *V poiskakh obshchego slovarya: diskursivnye praktiki noveyshego vremeni cherez prizmu proektov “Slovo goda”* [In Search of a Common Vocabulary: Contemporary Discursive Practices through the Prism of “Word of the Year” Projects]. In *Politicheskaya lingvistika*, 4 (50), pp. 48–53.
- Issers, O. S. (2015). *Ot ser'eznogo – do smeshnogo: igrovoy potentsial rossiyskogo slova goda* [From Serious to Funny Things: Language Pun Potential of the Russian “Word of the Year”]. In *Politicheskaya lingvistika*, 4 (54), pp. 25–31.
- Kharlamova, T. V. (2008). *Klyuchevye slova tekushchego momenta sil'noe gosudarstvo, sil'naya vlast' na rubezhe vekov* [Key Words of the Present: Strong State, Strong Authorities at the Turn of the Century]. In *Problemy rechevoy kommunikatsii* (Iss. 8, pp. 138–144). Saratov, Izd-vo Saratovskogo universiteta.
- Kostomarov, V. G. (1999). *Klyuchovoy vkus epokhi : Iz nablyudeny nad rechevoy praktikoy mass-media* [The Linguistic Taste of the Epoch: Speech Practice of Mass Media Observations]. 247 p. Saint Petersburg, Zlatoust.

Kotimaisten kielten keskuksen [site]. URL: http://www.kotus.fi/sanakirjat/kielitoimiston_sanakirja/uudet_sanat/vuoden_sanapoiminnot/sanapoimintoja_2015 (mode of access: 15.06.2016).

Krome, S. (Hrsg.). (2001). *Wörter, die Geschichte Machen : Schlüsselbegriffe des 20. Jahrhunderts / Herausgegeben von der Gesellschaft für deutsche Sprache*. 224 S. München, Bertelsmann Lexikon Verlag.

Mustajoki, A. & Vepрева, I. T. (2015). *Metazykovoy portret modnykh slov* [Metalinguistic Portrait of Fashionable Words]. In *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii : po materialam ezhegodnoy mezhdunarodnoy konferentsii "Dialog" : v 2 t.* (Vol. 1, Iss. 14, pp. 438–448). Moscow, Izd-vo RGGU.

Niehr, T. (1993). *Schlagwörter im politisch-kulturellen Kontext : Zum öffentlichen Diskurs in der BRD von 1966 bis 1974*. 456 S. Wiesbaden, Deutscher Universitäts-Verlag.

Russkaya grammatika : v 2 t. [Russian Grammar, 2 Vols.]. (1980). Vol. 1. 789 p. Vol. 2. 710 p. Moscow, Nauka.

Sklyarevskaya, G. N. (Ed.). (2006). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka nachala XXI veka : Aktual'naya leksika* [An Explanatory Dictionary of the Russian Language of the Early 21st Century. Current Vocabulary]. 1136 p. Moscow, EKSMO.

Sternin, I. A. (2008). *Osnovnye izmeneniya v russkom yazyke kontsa XX – nachala XXI veka* [The Main Changes in the Russian Language of the Late 20th – Early 21st Centuries]. In Sternin, I. A. *Teoreticheskie i prikladnye problemy yazykoznaniiya : Izbrannyye raboty* (pp. 200–209). Voronezh, Istoki.

Tret'ya mirovaya nachalas'? [Has World War III Started?]. (2015). In *Orenburgskaya Pravda*, Nov.18.

Tret'ya mirovaya vozmozhna? [Is World War III Possible?]. (2015). In *Smolenskie novosti*, May 6.

Tsoneva, L. (2015). *Slovo goda "krymnash" v russkom mediadiskurse* [Word of the year Krymnash (Crimea-is-ours) in the Russian Media Discourse]. In *Studia Russico-Slovaca : Universitas Catholica Rosenbergensis* (pp. 30–38). Ruzomberok, Verbum.

Schiewe, J. (1998). *Die Macht der Sprache : Eine Geschichte der Sprachkritik von der Antike bis zur Gegenwart*. 328 S. München, Beck.

Shaposhnikov, V. N. (1998). *Russkaya rech' 1990-kh : Sovremennaya Rossiya v yazykovom otobrazhenii* [The Russian Speech of the 1990s. Modern Russia in Linguistic Reflection]. 243 p. Moscow, MAYaK.

Shmeleva, T. V. (1993). *Klyuchevye slova tekushchego momenta* [The Key Words of the Present Moment]. In *Collegium*, 1, pp. 33–41.

Shmeleva, T. V. (2009). *Krizis kak klyuchevoe slovo tekushchego momenta* [Krizis (Crisis) as the Key Word of the Present Moment]. In *Politicheskaya lingvistika*, Iss. 2 (28), pp. 63–67.

Vepрева, I. T. (2015). *Ob aktual'noy lekseme Krymnash* [About the Modern Lexeme Krymnash (Crimea-is-ours)]. In *Russky yazyk i literatura v prostranstve mirovoy kul'tury : materialy 13 kongressa MAPRYaL (Granada, Ispaniya, 13–20 sent. 2015 g.) : v 2 t.* (Vol. 2, pp. 31–35). Saint Petersburg, MAPRYaL.

Zemskaya, E. A. (1996). *Aktivnye protsessy sovremennoy slovoobrazovaniya* [Processes Active in Modern Word Formation]. In Zemskaya, E. A. (Ed.). *Russky yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1995)* (pp. 90–141). Moscow, Yazyki russkoy kul'tury.

The article was submitted on 14.04.2016